

**АРМЯНСКАЯ ТЕМА В КРИТИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ
СТАНИСЛАВА РАССАДИНА****МАГДА ДЖАНПОЛАДЯН**

В статье анализируются и оцениваются работы видного русского критика Станислава Рассадина (1935-2012), посвященные поэзии армянского средневековья, современным армянским поэтам, а также русским поэтам, в чьем творчестве отразилась тема Армении. Выявляются особенности аналитической мысли критика, подчеркнуты и оценены его наблюдения и выводы (особенно о Нарекаци и Кучаке). Рассмотрены статьи Рассадина о поэзии С.Капутикян, А.Сагияна, П.Севака, а также статья о теме Армении в поэзии С. Липкина. В целом высоко оценивая и подчеркивая важность наблюдений и выводов Рассадина, автор выражает и свою точку зрения, порой полемизируя с критиком.

Ключевые слова: *Рассадин, Нарекаци, Кучак, современные поэты, особенности анализа, ценность критических суждений*

Среди русских литературоведов и критиков второй половины прошлого века имя Станислава Рассадина (1935-2012) – одно из самых известных. Он стал печататься с 1959 года, а с 60-х его популярность все более росла. Рассадина считают идеологом поколения шестидесятников. В литературе о нем неоднократно отмечалось, что само слово «шестидесятники» (так называли общественно-культурное течение, сложившееся в советской стране в годы хрущевской «оттепели») вошло в обиход и стало своего рода термином после того, как в журнале «Юность» (1960, № 12) была опубликована статья Рассадина под этим названием¹.

Творческое наследие Ст. Рассадина богато и разнообразно как в тематическом, так и в жанровом отношении². Помимо трудов о русских классиках и современных авторах, он писал и о литературах союзных республик, обращаясь и к вопросам художественного перевода; его волновали и проблемы воплощения художественной литературы на экранах кино и телевидения, и вопросы детской поэзии; он еще и автор литературных пародий, мемуаров... Но к какой бы теме или проблеме ни обращался Рассадин, он всегда оставался верен самому себе, своей манере письма, своему – отнюдь не назойливому! – умению вовлечь читателя в мир личных раздумий и впечатлений. Поскольку в круг творческих интересов Ст. Рассадина вошла и армянская тема, постараемся раскрыть особенности и значение его литературно-критической, аналитической мысли на этом материале. Говорим «армянская тема», потому что Рассадин писал не только

¹ См. <https://www.rbc.ru/society>

² Список основных публикаций и изданий Рассадина (статьи, книги) читатель найдет на эл.сайте: [ru.wikipedia.org/wiki/Рассадин Станислав Борисович](http://ru.wikipedia.org/wiki/Рассадин_Станислав_Борисович).

об армянской литературе, но и о тех русских поэтах, писателях, в чьем творчестве отразилась тема Армении.

* * *

Когда и как возник интерес Ст. Рассадина к армянской литературе? На этот вопрос трудно ответить определенно: статьи автора на армянскую тему, помещенные в его книгах, не датированы. Известны лишь даты ряда журнальных публикаций, предварявших книжные. Но, по всей вероятности, одной из первых таких работ стала статья Рассадина о Григоре Нарекаци. На эту мысль наводят некоторые факты, в частности, письмо критика Левону Мкртчяну от 11 сентября 1969 года³. Поводом для этого письма стала вышедшая в свет в августе 1969 г. в Ереване, в издательстве «Айа-стан» маленькая книжка гениального армянского поэта X века Нарекаци на русском языке. В ней было впервые опубликовано и несколько глав (всего 6 из 95!) из знаменитой поэмы «Книга скорби» в переводе Наума Гребнева. Инициатором издания и автором послесловия был Л. Мкртчян.

Сама идея сделать «Книгу...» Нарекаци (хотя бы в отрывках) достоянием русского читателя зародилась у Л. Мкртчяна еще в середине 60-х. Но она нарывалась на серьезные преграды в литературной и издательской среде⁴. В атеистической советской стране отнюдь не восторженно воспринимались даже издания переводов «Книги скорби» с древнеармянского на современный армянский. Что же говорить о переводе поэмы, каждая глава которой начиналась с обращения к Богу; поэмы, веками считавшейся у армян молитвенником, на русский – язык, на котором читали миллионы советских людей самых разных национальностей?.. Понадобились годы, чтобы идея Л. Мкртчяна претворилась в жизнь.

Но, будучи наконец изданной, в Армении книжка сразу же стала объектом уничтожающей критики. В республиканской газете «Комсомолец» (1969, 10 сентября) была опубликована статья известного литературоведа «Горе от умствования». «Умствованием», по рецензенту, были и перевод, в котором не сохранена форма оригинала (свободный стих Нарекаци Гребнев перевел рифмованным – пятистопным ямбом⁵), но главное – послесловие Л. Мкртчяна, его основные тезисы, среди которых одним из самых неприемлемых автор считал выявление сходных тем и мотивов у Нарекаци и Достоевского⁶.

³ Выражаю свою огромную благодарность Каринэ Саакянц, предоставившей мне материалы из архива Левона Мкртчяна.

⁴ Подробнее об этом см. во вступительной статье **Л. Мкртчяна** «Пусть рассказана будет людям всех племен...» ко второму изданию книги «Читая Нарекаци». Ер., Наири, 1997, с. 3-4.

⁵ Гребнев обстоятельно и убедительно изложил причины этого своего творческого решения в статье «Поэтическая археология». См.: Художественный перевод. Взаимодействие и взаимообогащение литератур. Ер., изд. ЕГУ, 1973, с. 290-296.

⁶ Статья **Л. Мкртчяна** «Нарекаци и Достоевский» была опубликована и в армянской литературной газете «Гракан терт» от 15 января 1967 года, т.е. еще до выхода в свет на русском языке первой книжки Нарекаци.

Можно представить себе душевное состояние инициатора и издателя книжки. И поневоле связываются между собой и что-то объясняют две соседние, но проставленные в разных городах и на разных источниках даты: 10 сентября 1969г. – рецензия в «Комсомольце», 11 сентября – письмо Ст. Рассадина Л. Мкртчяну (хронологически это первое письмо критика адресату). Вот данный текст с небольшим сокращением:

«Уважаемый Левон Мкртычевич!

Нёма Гребнев сказал мне, что Вы хотите, чтобы я написал о Нарекаци. И что у Вас даже есть, где это напечатать. Я с удовольствием это сделаю, так как книга произвела на меня впечатление сильное и возбудила кое-какие мысли, но в Москве мне с ней сунуться некуда... Те немногие журналы, которые меня печатают, отпадают по разным причинам.

И вот еще что: мне не хочется писать обычную рецензию. То, что я сейчас думаю в связи с книгой, с Вашей статьей (которая, по-моему, хороша) и с гребневским переводом, заставляет предполагать, что у меня скорее получится статья с ассоциациями, размышление о том, что говорит современнику (нашему, естественно) эта древняя поэзия. А такая статья, может быть, разрастется и до листа⁷ (кто знает?). Вгонять себя в рамки мне не хотелось бы.

Пугает ли это Вас? Если не трудно, напишите, пожалуйста.

С уважением Рассадин».

Из этого письма можно заключить, что Мкртчян сразу же после выхода в свет разгромной рецензии сообщил о ней Гребневу (естественно, по телефону). Очевидно, в процессе разговора возникла мысль: было бы неплохо, если бы именно русский критик высказал мнение о книге, адресованной русскому читателю. И Гребнев сразу же обратился с просьбой к Рассадину, которому он, по всей вероятности, уже дарил книжку Нарекаци. Гребнев ведь был и одним из переводчиков балкарского поэта Кайсына Кулиева, а о Кулиеве как раз в то время писал Рассадин; и не случайно он в письме к Левону называет Наума Исаевича «Нёма»: так называли Гребнева близкие. Что касается самого Мкртчяна, то его отношения с Рассадиным, очевидно, были тогда скорее официальными: свидетельство тому – обращение «Уважаемый Левон Мкртычевич» и концовка письма. Это, думаю, важно отметить, чтобы понять: статья Рассадина не была продиктована желанием любой ценой выволить из беды друга: она писалась именно под впечатлением прочитанного – объективно, доказательно, без излишних славословий. Статья была завершена в самом конце 1969 или в начале 1970 года. Это можно заключить по следующему коротенькому (не датированному) письму автора:

⁷ Рассадин имеет здесь в виду 25 страниц машинописного текста – так в те годы назывался один печатный лист, предназначенный для издания. - М. Д.

«Уважаемый Левон Мкртычевич!

Посылаю обещанную статью.

Очень был бы рад, если бы Вы написали мне свое мнение.

Всего хорошего. С Новым годом. Рассадин.»

Статья «Плюс десять веков» была опубликована в Ереване на армянском («Гарун», 1970, № 9) и русском («Литературная Армения», 1970, №10) языках. А в 1971-ом она была помещена в ежегодном московском сборнике «Мастерство перевода», в разделе «Теория и критика»⁸.

Статья эта уже становилась объектом нашего исследования и оценки в монографии о «русском» Нарекаци⁹, но она рассматривалась не изолированно, а в контексте тех тем, проблем, которые освещались русской критикой в 60-90-х гг. прошлого века. Здесь же постараемся выделить главные темы статьи Рассадина, подчеркнуть ценность суждений и выводов критика. Отметим, что данная статья – самая объемистая из всех русских критических откликов о Нарекаци. И это объясняется широтой затронутых в ней вопросов.

Один из них обозначен в заголовке – «Плюс десять веков». Т.е. здесь дана как бы формула мысли, изложенной в первом письме к Л. Мкртчяну: на основе личного восприятия раскрыть, что говорит читателю второй половины 20-го века (причем читателю иной, в данном случае русской национальной культуры) эта древняя книга. И с самого начала статьи выявляется одна из отличительных ее черт – ассоциативность. Автор рассматривает основные мотивы и особенности книги, постоянно прибегая при этом к различным параллелям и с христианской, и с мировой художественной литературой разных эпох.

Так, Ст. Рассадин истолковал обращенные к Богу слова Нарекаци как бы сквозь призму знаменитой оды Гавриила Державина «Бог», созданной в конце 18-го века. Он приводит в переводе Гребнева строки, где Бог выступает как нечто непознаваемое, величественное: «Непостижимый взору и уму, // Ты, без кого ни слова нет, ни дела, // Определяющий предел всему, // Но только сам не знающий предела». Эти грандиозные образы вызывают у критика ассоциацию со строками Державина, обращенными к Богу: «О Ты, пространством бесконечный, // Живый в движеньи вещества...// Дух всюду суший и единый, // Кому нет места и причины, // Кого никто постичь не мог...». Критик сопоставляет Нарекаци и Державина не только в плане образности: он находит, что «...и у древнего армянского, и у старого русского поэтов есть нечто, объединяющее их: извечное человеческое усилие познать, приблизить к себе, сделать человечески понятным того, кого же сами готовы – согласно обычаю – признать непостижимым и непознаваемым. «Непостижимый взору и уму» –

⁸ См. Мастерство перевода. Сборник восьмой. М., Советский писатель, 1971, с. 55-87

⁹ См. **Джанполадян М.** «Книга скорби» Нарекаци в русских переводах и критике. Ер., изд ЕГУ, 2012, с. 100-144.

говорит Нарекаци. «Кого никто постичь не мог» – говорит Державин. И оба пытаются – невольно, неосознанно – постичь»¹⁰.

Сопоставляя, сближая Нарекаци и Державина, Рассадин приходит к мысли, что «Григор Нарекаци, в десятом веке начавший страстный, сложный, мятежный разговор с Богом, был предвосхищением некоторых важных черт мировой поэзии – в частности, русской». Продолжая проводить параллель «Нарекаци – Державин» по их восприятию Бога, автор еще и подмечает, что в обращенных к Богу словах Державина «Ты есть, – и я уж не ничто» – «попытка самопознания и ощущения своего бытия через бытие Бога. Даже попытка – самоутверждения. Нарекаци избирает совсем иное: самоосуждение» (с. 43). Очень важно и рассадинское наблюдение об очеловечивании нарекациевского образа Бога: «Свой Бог и у Нарекаци. **Он лепит его по себе** (выделено мной – М. Д.) не в порыве первобытной наивности, но в страстной жажде правды и добра» (с. 46). Данную черту критик усматривает и в самой интонации «Книги скорби». Это, по его словам, «как раз интонация живого, диалогического разговора, которая и выражает невольное очеловечивание небесного собеседника» (с.48).

В статье проводятся и другие аналогии, сравнения: с пушкинским «Пророком», с Шекспиром, с Евангелием, Псалтырю... Причем параллель с псалмами Давида возникает и тогда, когда автор переходит к раскрытию образа лирического героя поэмы – т.е. верующего человека, которого мучают вопросы земной жизни, и он обнажает перед Богом мир своей души. «Жалуясь на "беззаконие", – пишет Рассадин, – Давид больше говорит о своих врагах, так сказать, внешних. Нарекаци же говорит о себе самом, себя осуждает, в своей душе видит противоборство зла и добра» (с. 48). И, подтвердив свою мысль строками:

*И сонмы сил недобрых и благих –
Любовь и гнев, проклятья и молитвы –
Блистают острием мечей своих
И дух мой превращают в поле битвы! –*

автор заключает: «Когда читаешь страдальческий рассказ об этом противоборстве, хочется сказать вполне современное слово: самоанализ. Да, – отмечает Рассадин, – Григор Нарекаци достигает той остроты самоанализа, которая недаром заставила Л. Мкртчяна вспомнить Федора Достоевского» (с. 48 -49).

Если бы известный русский критик ограничился только этой фразой, этого было бы уже немало для «реабилитации» Левона Мкртчяна среди армянских литературоведов. Но Рассадин идет и дальше: во-первых, он считает параллель «Нарекаци – Достоевский» убедительной, поскольку она подтверждена автором различными примерами; во-вторых, он разви-

¹⁰ Рассадин С. Плюс десять веков. См.: Читая Нарекаци. Ер., Айастан, 1974, с. 42. Статья цитируется по данному изданию.

вает данный тезис: «Аналогия эта в интересной статье Мкртчяна развернута слишком широко, чтобы заниматься ею и на этот раз, – пишет он. – Любопытно, однако, заметить вот что: различие предпосылок, религиозных и нравственных, при такой близости результата» (с. 49). Это различие критик усматривает прежде всего в эпохах, когда жили и творили авторы: «Достоевский – современник кризиса религиозного сознания»; Нарекаци – «человек если не зари христианства, то его полудня», т.е. это «пора верыстройной и несомненной; к тому же речь – об Армении, для которой христианство было неотъемлемо от национального самоутверждения, ибо за то и за другое равно подвергались армяне жесточайшим гонениям со стороны соседей-мусульман» (с.49). Но, быть может, **именно страстное и беспрекословное доверие к Богу как к нравственному идеалу** (выделено мной – М.Д.) и заставляло Нарекаци быть таким непримиримым к злу вовне и внутри себя» (с.49).

Так Рассадин переходит к раскрытию в поэме Нарекаци образа Человека с его сложным, противоречивым внутренним миром, с дисгармонией в душе, – человека, остро ощущающего «несовершенство – мира ли, себя ли самого» (с.49). Используя свой излюбленный прием ассоциаций (с.50-53), цитируя строки Нарекаци параллельно с разными образцами христианской и художественной литературы, он размышляет о двойственности лирического героя Нарекаци, о «противоборстве добра и зла» в его душе: «Почему-то ему необходимо пройти через сомнения. Почему-то нужно, хотя это и мучительно, осознать свою двойственность. ... Двойственность Нарекаци – это его сложность, необходимое условие достижения гармонии истинной. ... Следует добавить и еще нечто, быть может, на первый взгляд и вовсе парадоксальное: эта двойственность – цельность поэта, точнее – условие для выстраданной и потому высшей цельности.

Так же, как и полифония Достоевского – тоже проявление неиссякающей жажды цельности. И жажды гармонии» (с. 52-53).

Отметим еще одно ценное заключение Рассадина. В статье, написанной к концу 60-х гг. XX столетия, он подчеркнул современное звучание строк Нарекаци спустя десять веков: «Несомненно, мучительная гармоничность Нарекаци становится нам понятнее именно теперь. Но она была. Была и в десятом веке. Цена гармонии, цена возрождения души открылась великому поэту древней Армении. Так что с о в р е м е н н о с т ь¹¹ поэзии Нарекаци – не пустое слово, а реальность» (с. 54-55).

Очень важны в статье и суждения о гребневском переводе, его оценка. Как отмечалось, одной из основных причин неприятия этого перевода в армянской литературной среде стало уже отмеченное отклонение от формы подлинника. Думается, Л. Мкртчян, зная об этом отрицательном мнении еще до выхода в свет книжки, *вынужден был* (ибо если бы греб-

¹¹ Здесь и далее в цитатах из Ст. Рассадина - разрядка автора.

невский перевод своей художественной и эмоциональной силой не нравился ему, то книжка вообще не увидела бы свет) отметить это отклонение как недостаток: «Перевод Наума Гребнева, при несомненных своих достоинствах (крепкий, афористичный стих, верно переданное общее настроение «Книги скорбных песнопений»), имеет один очевидный недостаток: перевод сделан рифмованным стихом, тогда как в подлиннике это свободный стих». ... «Книгу скорбных песнопений», – заключает автор послесловия, – правильное было бы передать на русском языке верлибром»¹². Но Рассадин не согласился с Мкртчяном: он целиком поддержал смелое переводческое решение Н. Гребнева. «Верлибр не чужд нашей современной поэзии, – писал он. – ...О классической русской поэзии этого не скажешь» (с. 71). По мнению критика, «Книга скорби» не могла быть воссоздана ни старинным русским свободным стихом (так как он всецело зависит от уже отмерших форм синтаксиса и лексики, и тогда получился бы перевод «с одного древнего языка на другой, тоже требующий перевода», ни современным верлибром, который «главным образом связан с влиянием на нас поэзии Запада», а «...сделать Нарекаци последователем реформаторов Уитмена и Аполлинера было бы ошибочно (с. 74). А по поводу мысли Мкртчяна о том, что правильное было бы перевести поэму верлибром, автор заметил: «Я бы сказал иначе: желательно, чтобы был сделан и иной перевод Нарекаци, может быть и перевод свободным стихом. Он выполнил бы роль преимущественно историческую, в то время как перевод, подобный гребневскому, выполнял бы роль эстетическую (по-моему, первоочередную), был бы чтением» (с. 70).

Критик считает, что большой удачей этого перевода является «...точное соотношение старины и современности, не приносящее ущерба ни тому, ни другому. Не прибегая к архаической подчеркнутой тяжеловатости, которая помешала бы показать, что самому Гребневу Нарекаци внятен именно как современному человеку, в старинном поэте ищущему нечто свое, близкое, переводчик избегает и явной модернизации, которая разрушила бы художественную иллюзию» (с. 76). Подмечено им и искусное воссоздание в переводе такой характерной черты подлинника, как звуковое богатство: «"Современные" аллитерации гребневского перевода не просто мастерски организованы, но, что важнее того, организованы **по естественным законам мысли и чувства**» (выделено мной – М.Д., с. 78).

Обобщающей оценкой этого перевода Рассадин и завершает свою статью: «Именно такой – не архаизированный, учитывающий психические и поэтические традиции русского читателя – перевод и способен дать нам не музейного, а живого Григора Нарекаци... Так сказать, Григора Нарекаци плюс десять протекших веков» (с. 79).

¹² Мкртчян Л. О Григоре Нарекаци. В кн.: Григор Нарекаци. Стихи. Книга скорбных песнопений (отрывки). Ер., Айастан, 1969, с. 50.

Статья Рассадина сыграла важную роль не только в истории «русского» нарекациеведения: мысли и выводы критика не раз потом цитировались и армянскими учеными, специалистами по древней армянской литературе. Когда после 1969 года во всесоюзной периодике стали публиковаться статьи и даже стихотворения, посвященные Нарекаци, Мкртчян в 1974 г. издал их в книжке «Читая Нарекаци»¹³ (по названию стихотворения белорусского поэта Максима Танка, опубликованного в «Юности»). Предисловие к сборнику написал известный армянский литературовед, автор ценной монографии о Григоре Нарекаци М. Мкрчян. Он отметил: «Очень интересные и важные замечания находим у Ст. Рассадина, выступившего с большой статьей "Плюс десять веков", выделил наблюдения и мысли критика о мятежности человеческой души, ее двойственности и стремлении к душевной гармонии; процитировал строки о том, что армянский поэт X века «...был предвосхищением некоторых важных черт мировой поэзии, в частности, русской». По мнению Мкрчяна, очень обоснованы и убедительны проведенные Рассадиным в плане общности мотивов параллели: Нарекаци – Державин, Нарекаци – Пушкин (с. 14). Заметим, что и другие армянские ученые-литературоведы (В. Налбандян, А. Казинян¹⁴) обращались к Рассадину, цитировали его в своих монографиях о Нарекаци. А вот мнение одного из выдающихся армянских поэтов Амо Сагияна, приведенное в книге Мкртчяна «Разговоры с поэтом» (запись от 22 января 1970 года): «"Плюс десять веков" – так назвал свою статью о Григоре Нарекаци Станислав Рассадин. – Вот именно, – замечает Сагиян, – плюс десять веков. Я тоже так чувствую Нарекаци. И хорошо, что русский критик написал о Нарекаци так, как мы, армяне, его чувствуем, но сами еще не написали. Десять веков ничего не отняли у Нарекаци...»¹⁵.

Поэзия армянского средневековья стала темой еще одной статьи Рассадина – «Неистовый Кучак» (см. «Литературная Армения», 1973, №3 и армянскую литературную газету «Гракан терт», 1973, № 2). Статья была написана на материале двух книг: «Наапет Кучак. Лирика. Айрены» (М., «Худ. лит.», 1972) и «Армянская средневековая лирика». Вст. статья, сост. и примеч. Л.М. Мкртчяна (Большая серия «БП», Л., 1972). Характерная черта этой статьи – используемый даже в большей степени, чем в работе о Нарекаци, прием «ассоциативности». Выявляя особенности поэзии Кучака, Рассадин часто апеллирует к разным авторам разных эпох и народов. Вынося вопрос об ассоциациях за пределы данной работы (это может стать темой отдельного исследования; к тому же, на наш взгляд, слишком

¹³ Сборник «Читая Нарекаци» Л. Мкртчян издавал дважды: помимо 1974 г., еще и в 1997 г., поскольку число русских отзывов на «Книгу скорби» после 1974 г. значительно возросло. Статья Рассадина вошла и в это издание. См. с. 22-54.

¹⁴ См. об этом в нашей монографии «Книга скорби» Нарекаци в русских переводах и критике», с. 144.

¹⁵ Мкртчян Л. Разговоры с поэтом. Ер., Советакан грох, 1984, с. 26.

частые сравнения и параллели несколько утяжеляют текст), отметим те наблюдения и оценки автора, которые считаем важными и ценными.

Значительное место автор отводит айренам любви Кучака, и на основе приведенных им образцов сразу же выделяет черту, которая является сугубо индивидуальной и исключительной во всей поэзии армянского средневековья – как до, так и после Кучака: «Кучак – нескрываяемо чувствен. Он просто снедаем чувственностью... Он чувствен, игрив, сладострастен... Да, повторим: Кучак чувствен, но его чувственность, его тяга к наслаждению – это жажда любви, жизненной полноты, гармонического счастья... Однако в том-то и прелесть Кучака, что даже в миг страсти он любит не только свою желанную, но и то, что в ней воплощено: **красоту мира, жизнь, самую любовь**»¹⁶ (выделено мной – М.Д.). Именно такая трактовка обуславливает и мысли критика об отраженном в айренах отношении Кучака к религии, к ее служителям: «...Не стоит, – считает автор, – искать у средневекового поэта научного или хотя бы стихийного атеизма. Если уж касаться религии, то здесь другое: отвращение к аскетизму, к урезыванию всего, что дано человеку и что должно быть в нем и с ним. И когда в кучаковском стихотворении девушка, прослышав, что ее милый стал монахом, горюет: «Как он смирится с горохом – сладкое ел на пирах он, как власяницу наденет – к тонким привык он рубахам?!», – это именно неприятие обделенности, урезанности, ущербности бытия» (с. 35).

Рассадин выделяет и такие мотивы, как сила, сложность, глубина страданий; высота души – и при взаимной, и при неразделенной или отвергнутой любви. Цитируя строки из разных айренов, он заключает: «Так страдают, когда не просто наслаждаются, но любят – сильно, всецело, н е и с т о в о. И в этой любви расцветает всё лучшее в человеке – умение сострадать, готовность к самопожертвованию» (с. 32). Приведа один из айренов:

*Милый мой, мне принесий зло,
Свет мой ясный, быстрей – в седло!
Скройся прочь, чтоб мое проклятье
Поразить тебя не могло! –*

автор заключает: «Любовь здесь – квинтэссенция нравственности, духовности, человечности, самоотвержения» (с. 33).

Примечательна и следующая мысль критика, раскрывая которую он показывает, как в айренах мотив любви вбирает в себя другие мотивы: «Любовная лирика настоящего поэта, как бы она ни была интимна, не может быть сугубо камерной. В неё неизбежно войдут жизнь и время» (с.40). Прочитывая слова Блока о том, что «в эпохи бурь и тревог нежнейшие и интимнейшие стремления души поэта также преисполнены бурей и тревогой», Рассадина пишет: «Эпоха Кучака – также "эпоха бурь и

¹⁶ **Рассадин С.** Неистовый Кучак. См.: **Ст. Рассадина.** Цена гармонии. Ер., Советакан грох, 1976, с. 28, 30-31. Далее цит. по данному изданию с указанием в тексте страниц.

тревог". По земле Армении бесконечно проходили сражающиеся между собой войска Персии и Турции. Завоеватели рвали страну на куски. Лилась кровь. Сиротели земли. Покидали родину беженцы. И в стихах Кучака, выражающих его «личную страсть», просто не могло не отразиться горе страны» (с. 41). Критик приводит текст одного из айренов, где «потеря любви» вдруг стала синонимом и з г н а н и я» (с.41). И статью свою Рассадин завершает анализом темы скитальчества в айренах. А общий вывод его таков: «Кучак оставил глубокий след в поэзии. Он оставил нам «главное» – свои стихи. То есть себя. И свою эпоху» (с.45).

А почему слово «главное» взято в кавычки? Потому что Рассадин до этого цитировал Л. Мкртчяна: «О жизни Кучака сколько-нибудь подробных и достоверных сведений нет. Остались легенды. А главное – остались стихи» (с.37). И ценность статьи «Неистовый Кучак» обусловлена еще и тем, что критик высказал здесь свою точку зрения на один из спорных вопросов в армянском литературоведении – об авторстве айренов.

История этого вопроса восходит к сборнику «Հիշ Երգ» («Армянские песни», Тифлис, 1882, составитель А.Тевканц), где были опубликованы из рукописи XVI века (1583) айрены Наапета Кучака; сообщался ряд сведений о нем. Но впоследствии, не находя в других письменных источниках¹⁷ упоминаний о Кучаке как авторе айренов, литературоведы стали в этом сомневаться. М.Абегян считал, что Тевканц безосновательно приписал айрены своему земляку из Харакониса, и в 1940 г. издал сборник «Հիշ գրկաւանակաւ ժողովրդական երգեր» («Армянские народные гусанские песни»), где поместил айрены как образцы фольклора. Того же мнения придерживался и ученый А. Мнацаканян. Получилось, что имя Кучака то называлось (оно даже стало символом величия родной литературы в знаменитом стихотворении Чаренца «Եւ իմ անուշ Հիշաւանակը»), то его наследие растворяли в общем потоке безымянной народной лирики. Заметим, что и в годы создания антологии «Поэзия Армении» (1915-1916) уже высказывались разные мнения о Кучаке, и Брюсов как поэт четко выразил свою точку зрения: «Кто бы ни был исторический Кучак и на какие бы годы точно ни падала его жизнь (во всяком случае, он жил в конце средневековья), – стихи его остаются прекраснейшими жемчужинами армянской поэзии. Среди всех средневековых лириков Кучак выделяется непосредственностью и безыскусственностью своих вдохновений»¹⁸ (выделено мной – М.Д.). А вот мнение Рассадина. Не отрицая, что, возможно, какие-то айрены созданы были не Кучаком, а позже, критик уверен в одном: «...Существовал костяк, существовал ствол живого дерева, сущест-

¹⁷ А рукопись, на которую опирался Тевканц, была уничтожена во время нападения мусульман в 1896 г. на Варагский монастырь, где она хранилась.

¹⁸ Брюсов В. Поэзия Армении и ее единство на протяжении веков. В сб.: Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней. М., изд. Московского Армянского Комитета, 1916, с. 55.

вовала могучая творческая личность, сумевшая направить и благотворно подчинить себе будущих певцов» (с.38) И далее: «...Мне кажется, можно сказать: автором большинства айренов м о г б ы т ь **один великий поэт** (выделено мной – М. Д.), разнообразный, разносторонний, даже разноликий – и цельный, единый» (с. 38). Рассадин также верно подмечает, что ярче всего индивидуальность поэта выразилась в его айренах любви: «Я уверен, – пишет он, – что, останься Кучак владельцем лишь своего главного достояния – айренов о любви, он и тогда многое рассказал бы нам о себе. ...Ибо уже в самом противостоянии ханжеству, в провозглашении свободы любви выразилась личность, стремящаяся к внутренней независимости...» (с.39). Добавим, что яркая индивидуальность поэта отразилась не только в тематике айренов, но и в их образности, в интонациях...

Мысли Рассадина о том, что эти айрены нельзя лишать имени автора, растворяя их в безымянной народной поэзии, оказались очень актуальны, ценны для истории кучаководения и годы спустя¹⁹.

* * *

Не только лирика средневековья была предметом интересов Рассадина, связанных с Арменией. В первой половине 70-х им были написаны статьи о современных поэтах – Сильве Капутикян, Паруйре Севаке, Амо Сагияне; статья о Блоке – переводчике Ав. Исаакяна²⁰; он обращался и к теме Армении в русской литературе. Так, очевидно, возникла идея издания книжки, вмещающей в себя эти различные «армянские» публикации. Вот отрывки из письма Рассадина Л. Мкртчяну от 15 мая 1973 года:

«Дорогой Левон!

Спасибо большое за вырезку с армянским Кучаком. Выглядит очень симпатично. Вообще – спасибо огромное за хлопоты. /.../Я, как видишь, наконец осуществил свой план, по поводу которого с тобой советовался. Послал в «Айастан» заявку, а копию, как ты велел, тебе. Выйдет ли что-нибудь? Хорошо бы, если – да. Помимо всего прочего, хочется попытаться свои (высокопарно выражаясь) размышления об Армении.

¹⁹ После развала СССР в независимой Армении стали создаваться новые школьные учебники. В учебнике 9 класса в разделе «Древняя и средневековая литература» (автор Г. Бахчинян) главы «Наапет Кучак» не было. Она называлась «Айрены», где, в частности, говорилось: «Около 500 известных нам айренов создавались после 13-14-х веков, в западно-армянской городской среде. Долгое время эти песни приписывались ашугу 16-го века Наапету Кучаку. Однако доказано, что авторы айренов - народные певцы-гусаны, чьи имена нам неизвестны» (Ер., Луйс, 1996, с. 136, на арм. яз.). Имя Кучака было возвращено в историю армянской средневековой литературы благодаря выходу в свет по инициативе зав. кафедрой арм. литературы ЕГУ акад. Г. Тамразяна фундаментального сборника «Поэтический мир Наапета Кучака» (изд. ЕГУ, 2001), открывающегося научным исследованием Тамразяна (с. 9-82), где убедительно доказано, что был такой поэт – со своим индивидуальным взглядом на мир и людей, со своим неповторимым образным мышлением. В разделе «Иноязычные авторы о Наапете Кучаке» целая страница отведена Рассадину (см. с. 487). Так что его суждения о Кучаке как «могучей творческой личности» вошли в кучаководение.

²⁰ Перечень всех публикаций Ст. Рассадина, связанных с армянской литературой, читатель найдет в сборнике: Армянская литература в русской советской критике. Библиография. Статьи. Сост. и предисловие **Н.А. Гончар-Ханджян**. Ер., изд. ЕГУ, 1989.

Обнимаю. И еще раз спасибо. Рассадин».

Из копии заявки в издательство от 14 мая 1973 г. можно узнать, какой представлял себе автор эту книгу – «Материал ее можно определить так: "поэты Армении и поэты об Армении"». Перечислив уже опубликованные им в периодике статьи о средневековых и современных армянских поэтах, критик отмечает: «Материал будущей книги довольно разнороден (ниже я приведу план книги), но ее внутренней темой, которая должна собрать материал воедино, особенностью (не смею сказать: своеобразием) будет широкий историко-культурный фон, на котором отчетливо видна взаимосвязь разнонациональных литератур. /.../ В связи с той же особенностью книги, с той же ее внутренней темой предполагаются статьи (а вернее сказать, главы), написанные, так сказать, с обратной точки зрения: о неармянских поэтах, по-своему, неповторимо увидевших Армению и ее культуру».

В заявке представлен предполагаемый план книги, состоящей из трех разделов: I. Статья о Григоре Нарекаци. Статья о Наапете Кучаке; II. Портрет Паруйра Севака. Портрет Сильвы Капутикян. Портрет Амо Сагияна. III. Аветик Исаакян и Александр Блок. Мандельштам об Армении. Армянские стихи Кайсына Кулиева.

В письмах к Мкртчяну 1974-75 годов критик делится своими планами, идеями, возникающими в процессе работы. В письме от 16 мая 1974 г. он ещё и высоко отзывается о новой книге Мкртчяна «Черты родства» (1973): «Спасибо за книгу: она очень хороша... Прочитав книгу, я схватился писать о ней в «Новый мир». Но оказалось, что рецензия уже заказана Топеру. А больше ни с кем, честно говоря, не хочется иметь дела. Да! Забыл сказать: о Достоевском и о Чехове (но особенно о Достоевском) – превосходно. Не просто хорошо вообще, но по-армянски хорошо. Я хочу сказать, что армянин чувствуетея в разборах русского писателя (и не только в цитатах насчет турок, как сам понимаешь)...».

По признанию Рассадина, книга «Черты родства» навела его на какие-то мысли и решения, связанные с его «армянской» книгой: «Между прочим, – пишет он, – твоя книга отчасти помогла мне окончательно (хотя какая может быть окончательность в середине работы?) сформировать и определить состав моей книги для вас, для «Айастана». В основном все остается как в заявке, но кое-что я хочу переменить и резче соединить русское с армянским... но об этом тоже в письме не поговорить».

Вообще я увлечен сейчас этой книгой и она, как я надеюсь, получится лучше, чем я думал. Вообще хочу, чтобы это не выглядело отхожим промыслом москвича, а было попыткой сказать нечто важное и, может, главное для себя б л а г о д а р я Армении. Как (не сочти это за аналогию) сказал свое главное Мандельштам, совсем не случайно выговори́вшийся до такой степени в «Путешествии в Армению». Сейчас перечитывал, и горло перехватывало от наслаждения. Как он вас понял!

Книга, короче говоря, меня захватила, я вижу ее очень серьезной для себя и плохой выпускать не буду». А в письме от 4 авг.1974 читаем: «Работа моя над книгой для «Айастана» идет к концу. Всю весну и все лето я работал над ней, как проклятый и как счастливый, это в данном случае одно и то же. Писал новое и переделывал старое. /.../ Между прочим, среди этого «нового» есть статья об «армянском» Мандельштаме. /.../ Есть и ещё кое-что новое, но не все сразу...».

Книга «Цена гармонии» вышла в свет в 1976 году. Ее характер Рассадин разъясняет в слове «От автора»: «Характер же определен тем простым фактом, что она – книга русского критика, пишущего на «армянскую тему». Специалистом ему трудно себя признать, – мешает незнание языка, – однако у каждого положения есть свои особенности. ...В данном случае – та, что взгляд на поэзию, культуру, историю Армении брошен из инонациональной среды. Он оброс своими ассоциациями, он подготовлен опытом русской поэзии и культуры» (с. 3-4). Рассадин заключает: «...Именно родство путей армянской и русской поэзии толкает автора книги на то, чтобы ставить общие вопросы, говорить о высоком назначении и щедром демократизме поэзии, о ее разнохарактерных особенностях и изначально гуманистическом единстве. Поэтому к читателю книги... у меня одна-единственная просьба: читать её подряд. Это не сборник разнородных статей, как бы ни был различен их материал, это именно книга – по крайней мере, так, слово за словом, она писалась и складывалась» (с.5).

Однако, еще не начав «читать подряд» книгу, читатель, уже знакомый со статьями автора о Нарекаци и Кучаке, не может не заметить, что заголовок «Плюс десять веков» стал в «Цене гармонии» названием целого (первого) раздела, куда вошли еще и статьи о русских поэтах первых десятилетий XIX века – Дельвиге, Баратынском. И поневоле возникает вопрос: как должны ужиться под общим названием «Плюс десять веков» поэты XVI (Кучак) и XIX веков?.. Приняв такое решение, автор, естественно, должен был изменить название первой статьи. В книге она называется: «Возвращение Григора Нарекаци». Сам Рассадин объясняет этот заголовок не совсем убедительно (см.с.6). Но о каком «возвращении» идет речь? У армян в течение десяти веков Нарекаци никуда не исчезал, чтобы потом вернуться. Вспомним слова А. Сагияна в одной из бесед с Л.Мкртчяном (18 декабря 1971 г.): «Мы сейчас читаем, мы переводим Григора Нарекаци. Его «Книга скорби» читалась во все времена. Но если сказать кому-нибудь из современных поэтов, что его будут читать спустя тысячу лет, в 2971 году, он решит, что над ним издеваются... А Нарекаци знал, что мы, армяне, будем его читать всегда...»²¹. Что касается русского читателя, то к нему Нарекаци не «возвратился»: он ему **открылся** в 1969 г. и открывался в последующие годы благодаря переводам новых глав из «Книги скорби».

²¹ Мкртчян Л. Разговоры с поэтом. Ер., Советакан грех, 1984, с. 41-42.

Заметим, что слово «возвращение» автор использует и в названии статьи, завершающей первый раздел: «Возвращение Евгения Баратынского». Очевидно, этим автор хотел придать разделу своего рода обрамление, целостность, а еще, как писал он Л. Мкртчяну, «резче соединить русское с армянским». Но это соединение, увы, не убедительно, как, к примеру, убедительно было обращение к Богу Державина в сравнении с Нарекаци. Увы, одним повтором слов в названиях не соединить несоединимое...

То, о чем обобщенно (не конкретно!) сказано в письмах к Л. Мкртчяну (еще и это: «писал новое и переделывал старое»), автор объясняет в начале статьи о Дельвиге «Розы в снегах», помещенной вслед за статьей о Кучаке: «В этой главе, которая как раз посвящена проблеме, обозначенной названием всей книги, я отхожу от непосредственно «армянского» материала (отойду и еще раза два). ...Почему отхожу? Потому что хочу проверить мысли книги, ее критерии и оценки примером, взятым из области, мне наиболее родной, – из истории русской поэзии. ...Почему выбираю Дельвига, его и никого иного? ...Пусть не кто-то из трагических гигантов, а невеликий и тихий Дельвиг покажет, какую ценой давалась ему гармония»(с. 47-48). Но – посмеем возразить критику – каждому поэту гармония дается только ему одному известной ценой. И цена гармонии, на наш взгляд, – не критерий для объединения в одно целое разнородных материалов. Будем объективны: сами статьи о Дельвиге и Баратынском интересны, аналитичны, демонстрируют глубокое знание автором не только творчества поэтов, но и критических оценок их поэзии, и самой эпохи в ее социально-общественном разрезе... Однако они никак не гармонируют и не связываются с темой книги, указанной самим автором в заявке: «Поэты Армении и поэты об Армении».

Добавим, что, реализуя свой новый план, Рассадин переработал статью о Григоре Нарекаци. Он изменил ее начало, объясняя заголовок и тут же исправляя самого себя («...вообще скорее пришлось бы говорить не о возвращении, а о первой встрече», с.6), изъял всю первую часть – своего рода вступление (с.36-40 сборника «Читая Нарекаци» 1974 г.). И статья в «Цене гармонии» начинается фактически с сопоставления «Нарекаци-Державин». Правоммерно изъят фрагмент, связанный с духовными песнями Нарекаци (это – другой жанр его творчества). Но, к сожалению, в «Цену гармонии» не вошло более десяти завершающих страниц статьи «Плюс десять веков» (с.67-79 сб. «Читая Нарекаци», 1974), где Рассадин анализирует и высоко оценивает гребневский перевод. Эти страницы заменены примечанием: «...Что касается перевода стихотворного, то он сделан Наумом Гребневым – и сделан, по моему мнению, прекрасно. Я не случайно переношу эту похвалу в сноску. В тексте сама по себе высокая степень ее потребовала бы обстоятельнейшего разбора, на что я, увы, в рамках этой книги возможности не имею. Утешаюсь тем, что такой разбор мною уже

совершен однажды» (с. 10-11). И автор отсылает читателя к сборнику «Мастерство перевода» 1971 г. На наш взгляд, подобным решением он в немалой мере занижил значение своей статьи, ибо в ней не просто давалась оценка перевода, но и был убедительно аргументирован творческий подход Гребнева к воссозданию разных сторон подлинника, что иллюстрировалось на конкретных примерах. Важно ведь не только мнение, но и его мотивировка. Не станем забывать, что неприятие гребневского перевода в литературных кругах Армении продолжалось, увы, и в 70-е, и позже, и потому суждения по этому вопросу такого критика, как Рассадин, необходимо было довести до возможно большего числа читателей, тем более что книга готовилась для издания в Ереване.

Во втором разделе – «Встречи» – помещены две статьи: одна о Блоке – переводчице Исаакяна; другая – об «армянских» стихах Семёна Липкина. Статья «Встреча в пустыне» была отправлена Л. Мкртчяну для сборника к 100-летию Ав. Исаакяна. Из письма Рассадина от 14 сентября 1974 г. видно, что название статьи не было одобрено: «Спасибо и за замечания по статье, – читаем в письме. – Что касается названия, то ты, увы, прав. Я думаю, в книге название «Встреча в пустыне» будет вполне уместно и проходимо, а в отдельной статье, возможно, вызовет придирки». Так что и в «Литературной Армении» (1975, №7), и в юбилейном сборнике статья была озаглавлена «Встреча»²². Но в «Цене гармонии» автор оставил название «Встреча в пустыне». Во всех публикациях он завершает свое слово так: «Блок и Исаакян встретились в своих поисках, встретились в пустыне – для Исаакяна она была символом одиночества и изгнания, для Блока – бездуховности. И оба не потерялись, не заболели неверием в человека, не утратили «неразделенной любви». Оба искали – и нашли – дорогу к людям»(с.174). Получается (и это действительно так!), что пустыни-то были разными... Поэтому, на наш взгляд, заголовок «Встреча» вернее: без всякой символики – Блок встретился с исаакяновской поэзией, нашел в ней близкое себе, проникся ею (его высказывания об Исаакяне зацитированы) и по возможности воссоздал ее художественно-стилевые особенности.

Рассадин точно отметил главную черту блоковских переводов – их «близость к фольклору, к песне» (с.129). Вспомним слова самого Исаакяна из его письма к Ов. Авакяну от 31 августа 1926 г.: «Прообразом моей лирики была народная песня нашего и других народов, и по моей теории самая совершенная лирика – это песня народа»²³. Критик приводит примеры наличия в переводах характерных элементов поэтики этих песен – повторов, параллелизмов, «приблизительных созвучий» в концевых рифмах, при этом отметив на с.130: «Впрочем, в переводе Блока бесхитростность концевой рифмы тонко возмещена рифмой внутренней: странник – из-

²² См.: Слово об Аветике Исаакяне. Ер., изд ЕГУ, 1975, с. 322-362.

²³ Ав.Исаакян. Проза. Ер., Айастан, 1975, с.452.

гнанник» (это из стихотворения «Моей матери» – М. Д). Он также справедливо замечает, что стремление воссоздать фольклорность ряда стихотворений «иной раз оборачивалось насильственной русификацией армянского оригинала, прививкой русской рябины к виноградной лозе Армении» (с. 131). И убедительно подтверждает свою мысль двумя строфами блоковского перевода стихотворения 1903 г. «Словно молнии луч, словно гром из туч...». «Наберемся духу: это подписано Блоком, но это худо, – пишет критик. – ...Грубоватое ослабление Исаакяна сказалось отчасти и в других, несравненно более удачных переводах Блока, – учтем, что в ту пору отнюдь не существовало такого определенного взгляда на принципы перевода, как сейчас. Заметим заодно, что вообще не стоит преувеличивать совершенства блоковских переводов»(с.132). И в начальных строках стихотворения «Во долине, в долине Сално боевой, // Ранен в грудь, умирает гайдук» критик также замечает «отзвук русификации подлинника, слишком прямолинейно роднящей армянское стихотворение с русским фольклором»(с. 148).

Еще одно замечание Рассадина – о переводе стихотворения «Ал-злат наряд – мой детка рад». Прочитав первую строфу, автор пишет: «Сам Блок сделал примечание к переводу: «Люль-люль, дар-дар, да-да и другие восклицания в песне – чисто звукоподражательные, подобно нашему «бай-бай», и определенного значения не имеют». Но тогда, может быть, не стоило перегружать песенку непереводаемыми словечками, звучащими для русского уха все-таки слишком прихотливо и даже экзотично? Может быть, достало бы и одного «бай-бай»? Ведь это – колыбельная!» (с. 134).

Критик абсолютно прав в том, что «не стоило перегружать песенку непереводаемыми словечками». Но хотелось бы высказать свои соображения в связи со всей цитатой. Во-первых, автор данного и всех примечаний в «Поэзии Армении» – В. Брюсов как редактор антологии. Что касается самого примечания, то из трех перечисленных в нем «звукоподражательных восклицаний» в оригинале есть только одно – «дар-дар»²⁴, и это не звукоподражание: оно означает: 1.колыбель,2.колыбельная (диалектизм)²⁵. (Заметим, что и Рассадин не всегда точно объясняет значение неперевадных армянских слов в блоковских переводах: так, «яр», «джан» он называет «постоянными эпитетами и ласковыми прозвищами»(с. 130). И еще: можно ли считать всё стихотворение колыбельной? Да, в первой строфе мать усыпляет ребенка, но во второй – она пытается его разбудить, а потом смиряется с тем, что он все еще спит... Сам Рассадин приводит эти строки: *«День настает, овца идет,/ Дитя все спит и не встает./Вставай, капризничай, кричи,/Гоп-гоп, на соску, на, соси./Гоп-топ, тихонечко ходи./ Нет, сладкий*

²⁴ См.: Исаакян Ав. СС в 6 томах. Т.1. Ер., Айастан, 1973, с. 12 (на арм. яз).

²⁵ См.: Толковый словарь современного армянского языка. Т. 1., Ер., 1969, изд. АН Арм ССР, с.484 (на арм.яз.)

сон тревожить жаль, / Щека – как сахар, как миндаль... (с. 135)

Разве ребенка качивают словами: «Вставай, капризничай, кричи»?²⁶ Ведь подобные слова требуют и другой интонации, никак не характерной для убаюкивания... Может, это просто стихотворение о материнской любви? Кстати, оно ведь не названо колыбельной. Как многие стихи Исаакяна, оно без заглавия. Думается также, что это одно из самых ранних стихотворений поэта, не отличающееся особым художественным совершенством (скорее это опыт стилизации народной песни), можно было и не переводить... Но это уже решение составителей антологии «Поэзия Армении».

Рассадин верно считает, что среди блоковских переводов из Исаакяна «есть несколько несомненно сильнейших, а если говорить об их стилистическом ориентире, то в основном он не был национально ограниченным. Блок имел в виду не только и не столько русскую песню, сколько песню в о о б щ е. Ведь фольклорная песенная лирика повсюду имеет если не одни и те же, то близкие, схожие, родственные черты» (с. 132-133). Он выделяет из «воспринявших фольклорно-песенную традицию» образцов исаакяновской лирики «пожалуй, самый знаменитый из блоковских переводов»: *Ночью в саду у меня / Плачет плакучая ива, / И безутешна она, / Ивушка, грустная ива...*

Приведя весь текст перевода, выявив его лексические особенности и показав, как искусно воссоздана фольклорная основа оригинала, критик заключает: «В чем дело? В мастерстве, настолько высоком, что его не видно» (с.140-141). Это стихотворение стало основой и для меткого наблюдения о характере исаакяновской лирики: «Именно повторы, именно лирические «излишества» делают стихотворение Исаакяна поэзией. ...Исаакян говорит то, что чувствует. И т а к, как чувствует. Его эпитеты, будь то «грустная», или «нежная», не становятся банальными, ибо за ними – чувство. Которому не нужно доказывать собственную искренность» (с.142-143).

Статья завершается выявлением определенной общности мотивов поэзии Блока и Исаакяна – мотивов, обусловленных в основном политическими событиями первых десятилетий века как у русских, так и у армян; общественно-социальной атмосферой времени. Здесь автор частично реализует свой замысел, которым он делился в письме к Л. Мкртчяну: «резче соединить русское с армянским...». Это как бы двойной параллельный анализ общих черт лирики Блока и Исаакяна.

Другая статья раздела – «Размышление о ереванской розе» – посвящена стихам об Армении Семена Липкина. Излюбленный прием Рассадина – прибегать к ассоциациям, аналогиям и параллелям – здесь выступает особенно зримо и не всегда органически вписывается в текст. Так, начав с

²⁶ По Рассадину, «в этом-то и ее обаяние (колыбельной – М.Д.). ...В этой радостной колыбельной – вся жизнь ребенка, ведь сладкий сон, навеваемый баюканьем, для того и нужен, чтобы ребенок вставал, ходил, кричал, ж и л» (с.137). Но это не очень убедительно...

основной темы: «"Ереванская роза" – это, во-первых, стихотворение Семена Липкина» (с.174), автор уже отходит от нее через полторы страницы – со с.176, и цитирует не имеющее никакого отношения к теме Армении (но, по автору, имеющее отношение к прозе) стихотворение Липкина «Лежала Настенька на печке...», потом упоминаются евангельская Мария, Рафаэль Санти, цитируется Блок, упоминается Пушкин, затем автор рассуждает о «музыке страдания», потом сказано, что «скромная Настенька и гениальная «Мадонна» Рафаэля нуждаются друг в друге» (с. 184), и завершается этот ассоциативный отрывок (в 8 страниц!) словами: «"Ереванская роза" не может жить без прозы».

Анализ стихотворения сводится к толкованию двух образов: «ереванская роза» и «ереванская проза». По автору, ««ереванская роза», чей слог размерен, а плач гармоничен, – это п о э з и я. Искусство»(с. 175). На наш взгляд, данный образ несколько шире: «ереванская роза» – это, может, не только поэзия как вид искусства, но и поэзия самой жизни, которую почувствовал русский поэт в Ереване. Доброта, открытость души, гостеприимство... А процитировав строки:

<i>Ереванскую розу –</i>	<i>В старике, прищемившем</i>
<i>Вздых и целую фразу –</i>	<i>Левантийские четки,</i>
<i>Понимаешь: настолько проста.</i>	<i>Там, где брызги фонтана летят,</i>
<i>Ереванскую прозу</i>	<i>В мальши, устремившем</i>
<i>Понимаешь не сразу,</i>	<i>Свой пытливый и кроткий,</i>
<i>Потому что во всем разлита –</i>	<i>Умудренный страданием взгляд... –</i>

критик задается вопросом: почему поэзия /роза/ проста, а проза – нет?

«Почему? Что привычнее для нас, чем житейская проза? Что понятнее? Мы ведь сами живем среди прозы, живем ею, мы часть ее и она часть нас («во всем разлита»). ...Так неужели духовные затраты, которых стоит поэтам поэзия, – лишь для того, чтобы нам было п р о щ е? Легче?» (с. 175). Мы уже отметили, что образ «ереванской розы», на наш взгляд, у Липкина объемнее и богаче. А на с.185 Рассадин, возвращаясь к этим строкам, приводит и последующие, расширяя и углубляя образ «ереванской прозы», уже не называя её только «житейской». «Ереванский мальш из стихотворения Липкина – пылинка толпы, частичка прозы. Но в нем (так кажется поэту) **уже воплощен печальный опыт истории его народа** (выделено мной – М.Д.), давший младенцу раннюю умудренность. В нем уже живет поэзия, приходящая вместе со способностью переживать» (с.185). Но Рассадин почему-то не проанализировал строки, раскрывающие липкинское восприятие «ереванской прозы»: Ведь поэт сначала видит ее «*В старике, прищемившем / Левантийские четки, / Там, где брызги фонтана летят*»... А эпитет «левантийские» отсылает читателя к трагической судьбе армян, обреченных на изгнание, уничтожение (погромы, Геноцид...) Старик не просто перебирает четки на площади, «где брызги фонтана летят», чтоб скоротать время: он – беженец, его трагедия – в подтексте этих строк...

Так что образ «ереванской прозы» здесь объемнее и глубже.

Рассадин рассматривает и другие стихи С. Липкина, в которых отражена историческая судьба армянского народа, его борьба, вера, трагедия... Это стихи о Гегарде, а также стихотворение «Годовщина армянского горя» – о поминовении в Эчмиадзинском соборе душ «невинно убиенных» – жертв Геноцида:

*Медленно, многоголосо
Звон поминальный вознесся:
Хлеб, виноград, господь,
Хлеб, виноград, господь.* (с. 190-191).

Эти строки Липкина наводят Рассадина на параллель с армянским героическим эпосом «Давид Сасунский». «В колокольном звоне поэту слышится древняя армянская клятва, которой клялись, выходя на бой с врагами и защищая родную землю, все могучие герои эпоса «Давид Сасунский», – пишет критик и цитирует строки из книги «Давид Сасунский» в переложении Наири Зарьяна (русский перевод – Н. Любимова):

*Хлеб, вино, вездесущий господь!
Богородица-на-горе!
На плече моем Ратный крест!
Помогите врага побороть!* (с. 191)

И поскольку автором предисловия ко второму изданию любимовского перевода (1972) был сам Семен Липкин, Рассадина цитирует и его строки о непобедимости народа, который перед сражениями с врагом клянется хлебом и вином. Но в конце своего толкования критик допускает серьезную ошибку: «И стоило Давиду единожды нарушить эту клятву, он был побежден и погиб» (с. 191). Давид никогда не мог погибнуть в битве с врагом, – это главный герой армянского эпоса, он был непобедим. И причиной его гибели стало вовсе не нарушение клятвы перед боем за судьбу и спасение родной земли: он забыл о клятве своей невесте Чмшчик-султан, с которой его обручили, – вернуться через семь дней. Но полюбил Хандут и не вернулся к невесте... Не стану здесь подробно говорить о том, что не имеет непосредственного отношения к теме статьи²⁷.

Третий, завершающий «Цену гармонии» раздел, озаглавленный «Преодоление», посвящен творчеству современных армянских поэтов²⁸. Статья «Право на откровенность»²⁹ – о Сильве Капутикян. Но начинается она с анализа не ее поэзии, а публицистической прозы – книги «Караваны еще в

²⁷ Народ в эпосе выражает свои моральные нормы жизни. В армянском эпосе одна из них заключена в словах: «Пусть тот умрет, / Кто слово не сдержал своё!». Оттого, что нарушили данное слово (обет), умирают и другие герои – Мгер Старший, Армаган.

²⁸ Во всех этих статьях также проводятся различные параллели, возникают ассоциации с русской и мировой литературой. Эти наблюдения и выводы не рассматриваются нами, наша цель – охарактеризовать взгляды критика на армянскую литературу.

²⁹ Статья была опубликована в «Новом мире» (1973, № 6); позднее – и в качестве предисловия к московскому 2-томнику избр. произведений С. Капутикян (1978, т. 1, с. 5-13.).

пути». Это результат впечатлений поэтессы от поездки по странам, где образовались армянские колонии, где нашли убежище чудом уцелевшие от Геноцида армяне. «Ее путешествие, – замечает Рассадин, – было путешествием в глубь памяти, своей, личной, и народной, исторической» (с. 205). В этих словах отмечен очень важный фактор: сама С. Капутикян родилась в Ереване, но отец её был беженцем из Вана: так историческое стало в её судьбе и сугубо личным... «Постоянство размышлений Сильвы Капутикян создало б о л е в у ю о с н о в у книги» (с.206), – пишет критик и говорит о «постоянном присутствии этой боли» (с. 207). Причем заметим, что и сам автор в других своих «армянских» публикациях никогда не забывает об этой исторической трагедии армянского народа и глубоко сострадает ей.

Подчеркнув эту «болевою основу», Рассадин выделяет и другую характерную черту мироощущения Сильвы Капутикян: «Она вовсе не приглашает нас забыть о трагическом. Она упрямо – как и положено поэту – мечтает восстановить в правах понятия добра и красоты, которые были не раз безжалостно попораны. Ведь одна из задач искусства – преодоление земных трагедий; не игнорирование, нет, а именно преодоление, преобразование, просветление» (с. 210). Критик доказывает свою мысль цитатами из поэмы Капутикян «Раздумья на полпути», совершая таким образом органический переход от ее прозы к поэзии. А потом уже естественным становится еще один переход, на сей раз жанровый – от поэмы к анализу и оценке ее лирических стихов, причем выделяется её интимная лирика. Прочитав строки:

*...Но таинство, но волшебство –
Поэзия – преград ей нету:
В ней, скрытое от одного,
Звучит, всему открыто свету* (с.217), –

Рассадин замечает: «Сильва Капутикян не боится быть предельно откровенной. ...Она не хочет дожидаться затишья в своей душе, у неё есть потребность немедля, не откладывая, выговориться в стихах» (с. 218). Критик подчеркивает, что она пишет о разных моментах и переживаниях любви – «от нежности до отчаяния, от решимости до уступчивости» (с.219). Проиллюстрировав эту свою мысль цитатами, Рассадин заключает: «Быть откровенным в поэзии, делать нас доверенными своих чувств – это не только надо уметь. На это надо иметь право» (с.220).

«Двойник природы» – так озаглавлена статья об Амо Сагияне. Её название автор объясняет строками поэта:

*Я – недоступный для небытия
Двойник самой природы – вот кто я.*

И в самом начале статьи четко обозначена её тема: «Об этой душевной опоре Амо Сагияна, о его связи (нет, взаимосвязи!) с природой я хочу говорить» (с. 224), – пишет критик, сразу же отметив, что данной темой,

конечно же, не исчерпывается поэзия Сагияна. Рассадин прежде всего подчеркивает «биографическую родственность» поэта с природой: «Уроженец высокогорного Зангезура, Сагиян вырос среди армянского камня и армянского дерева; ...В любви его к ней (природе – М.Д.) – что-то крестьянски-изначальное, родовое» (с.226-227). И, по Рассадину, у поэтов, обладающих «истинной связью с народными корнями», ...«эта связь осознается скорее как ответственность, чем как льгота» (с. 228).

Критик отмечает, что «образы Сагияна нередко в основе своей фольклорны. Именно – в основе; не меньше и не больше. Беря тот или иной образ у народа, Сагиян возвращает его своим кредиторам в обогащенном, преображенном виде...» (с. 228). Так, выделив образ камня в сагияновской поэзии, Рассадин пишет: «...Как в русском фольклоре то и дело нежно поминается березка, в армянской народной поэзии другом и союзником предстает камень. Из него строят жилища и складывают очаги. То же в стихах Сагияна» (228-229). Мысль эта подтверждается цитатами; вот одна из них: «*Я от камней зачат в камнях, // Мне в колыбели камни пели...*». А анализируя стихотворение «Шиповник», он тонко и убедительно показывает, как органически сливаются здесь текст и подтекст, как описание реальной природы может обрести и аллегорический, символический смысл (см.с.229-232). Текст – о кусте шиповника, растущем на высоком утесе, нависшем над пропастью. Конечно же, невероятно трудно прорасти из камня, из скалы. Но шиповник осиливает всё это:

*Он выше всех своих невзгод и тягот,
И расцветает каждую весну.
И сгустки крови – капли алых ягод –
Роняет осенью на крутизну...*

А вот трактовка этих строк Рассадиным: «Расцвет шиповника труден, – он оплачен кровью. ...Но, теряя кровь, шиповник не гневается на мир, он умеет ему радоваться:

*В родимую скалу уйдя корнями,
Растет шиповник, мира не хуля,
Нет неба, нет земли, есть только камень,
И этот камень – небо и земля». (с.230)*

Итак, это стихи о природе, о шиповнике. «У Сагияна есть т е к с т, есть жизнь, полнокровно входящая в его стихи, есть настоящая, живая природа... Он говорит о том, о чем говорит, – а уж дополнительные оттенки смысла возникают потому, почему не могут не возникнуть: любое проявление мира, будь то хоть куст шиповника, связывается для поэта с размышлениями о жизни, об эпохе, о народе, о себе, оно не может быть отчуждено от его собственного опыта» (с. 231-232). И именно потому в стихотворении о шиповнике Рассадин выявляет и **подтекст**: «Конечно, стихи – и о народе Армении, о народе, умевшем среди мертвого камня открыть и

построить жизнь. ...Да, стихи – о народе; они и о душе человеческой, умеющей гармонизировать мир... » (с.230-231).

И еще одно тонкое наблюдение Рассадина о сагияновском чувстве природы и его отображении в поэзии: «Природа самоценна для Сагияна. Как и крестьянский вол из его детства, она менее всего – абстрактный символ. ...Больше того: он не просто дружески разговаривает с природой, даже не просто чувствует с ней заодно, – и этого мало: он как бы говорит, думает и чувствует и з н у т р и е ё» (с. 232)³⁰.

Завершающая третий раздел и всю книгу статья «Отдельное дерево» – о Паруйре Севаке. Написанная уже после его трагической гибели, она несет на себе этот отпечаток, поскольку первые же строки поэта, процитированные в самом начале статьи:

*И это почувствовал я не без боли,
Почувствовал я, что лишь после того
Как дерево спилено,
Словно впервые
Мы видим его настоящий обхват, –*

критик теперь поневоле ассоциирует с судьбой Севака: «Так написал когда-то Паруйр Севак. Возможно, он не думал о себе... даже наверняка не думал... Он винится именно перед деревом, ему всерьез больно, – и именно этот полноценный заряд человеческого сочувствия бьет теперь по нашей памяти, печально напоминая о том, что жизнь поэта оборвалась, что она нелепо «спилена». И – напоминая радостно – о том, что «обхват» огромен» (с. 237-238)

Критик подчеркивает исключительность и своеобразие, самый способ поэтического мышления Паруйра Севака, выходящий за рамки традиций классической армянской поэзии: «Стих Севака подчеркнута современен» (с.239), – замечает он. Это качество Рассадина усматривает не только в форме севаковского стиха, но и в самой его сути, а этой сутью он считает аналитичность. Так, сравнивая мотив природы в поэзии А. Сагияна и П. Севака и находя в них общие черты, автор подчеркивает и различие: «И все же в стихах Севака разум человека куда осознаннее, решительнее и упрямее очеловечивает природу, самоутверждается в ней, сообщает... просто навязывает!.. ей собственные черты, анализирует и расщепляет... Одним словом, едва ли не демонстративно **являет все черты так называемого современного мышления**» (сс. 240-241, выделено мной – М. Д).

А задаваясь вопросом: «Нет ли в поэзии Севака избыточного рационализма, этой болезни многих стихотворцев?», Рассадина отвечает на него отрицательно: «Нет, слава богу, тут другое. Размышляя, Севак не

³⁰ Статья Рассадина «Двойник природы» в несколько измененном, переработанном виде вошла и в сборник русских критических откликов об А. Сагияне «Поэзия поможет человеку» (Ер., 1974, с. 19-29).

отключает – за ненадобностью, за устарелостью – «святую мышцу», сердце» (с. 241). Критик раскрывает сущность аналитической мысли Паруйра Севака, отметив, что «поэт не впадает в холодное умствование, а напротив, словно бы увеличивает количество своих болевых точек, обостряет сопереживание» (с.242). Это свое наблюдение он иллюстрирует, в частности, цитатами из цикла «Человек на ладони». «Доводы рассудка, – замечает Рассадин, – обеспечены золотым запасом чувства, и оттого им не грозит инфляция умствования. ...Да, человек как средоточие слитной сложности, личность как нечто собирательное, как сумма, которая неизмеримо богаче всех своих слагаемых, – вот предмет эмоциональных размышлений Севака» (с. 246). Даже в стихотворении «Одинокое дерево» из другого поэтического цикла («Секретарь Бога») Рассадин усматривает аллегорический образ личности, не всегда понятой и оцененной, но всегда верной самой себе: «Севак берет крайнюю ситуацию: личность, не понимаемая окружающими. И оказывается: что бы там ни было, назначение человека не меняется. Он – не для себя. Он – для всех, для людей, для народа. Как дуб ловит молнии, предназначенные лесу, так истинная личность должна принимать на себя груз ответственности за все на свете» (с. 248).

Рассадин подытоживает: «Севак, смело бросавшийся в стихию исследования, эксперимента, ...был современным в подлинном смысле слова. Он стоял за **п р е о д о л е н и е** инфляций и сует, за победу духовности и **гармонии**» (с.252, выделено мной – М.Д.) Этой цитатой, в которой – сразу два слова, очень важных для автора (помимо их наличия в текстах разных статей, слово «преодоление» вынесено в заголовок последнего раздела, а слово «гармония» – в названии книги), и завершим разговор о «Цене гармонии».

* * *

После выхода в свет «Цены гармонии» интерес Ст. Рассадина к теме «Поэты Армении и поэты об Армении» не ослаб. В московской и ереванской литературной периодике публиковались его статьи о поэзии Маро Маркарян, Ваагна Давтяна, Геворга Эмина, о поэзии и прозе Сильвы Капутикян и др.³¹ И когда в 1988 году в московском издательстве «Советский писатель» вышла в свет книга Рассадина «Предположения о поэзии» с подзаголовком «Из опыта читателя стихов», то «армянская тема» составила её весомую часть. В книгу вошли некоторые статьи из «Цены гармонии», вернее, огромные фрагменты этих статей, поскольку ни одна из них не представлена здесь в том же виде: автор переработал их, расширил, внес немало композиционных изменений, – во многом и на основе новых публикаций (как своих собственных, так и других авторов). К примеру, публицистическая проза С. Капутикян (глава «Армянка») здесь анализи-

³¹ Все публикации Ст. Рассадина об армянской литературе вплоть до 1988 года указаны в отмеченной нами Библиографии **Н. А. Гончар** (см. прим. № 20).

руется и на материале другой ее книги – «Меридианы карты и души»; а о поэзии её написано подробнее. «Армянская тема» проникает даже в статьи, посвященные поэтам других национальностей: так, в статье о молдавских поэтах цитируется Паруйр Севак (с.24). Примечательно, что, хотя статья об «армянском» Мандельштаме³², будучи уже готовой (как писал Рассадин Л.Мкртчяну 4 августа 1974 г.), не вошла в «Цену гармонии», эта тема «угнездилась» в разных статьях «Предположений...». Критическое осмысление, оценку и стихотворений Мандельштама, и его очерка «Путешествие в Армению» читатель найдет в статьях о С. Капутикян (с. 84-85), об А. Сагияне (с. 109-114), о П. Севаке (с. 154)... Кстати, Рассадин цитирует и повесть В. Гроссмана «Добро вам!», и «Уроки Армении» А. Битова, выражая свое отношение к этим произведениям. И еще: он нашел более удачный заголовок для статьи о Блоке и Исаакяне. В новой книге она называется не «Встреча в пустыне», а «Путь навстречу». И заголовок «Плюс десять веков» в новой книге – уже не название раздела, а статьи о Нарекаци, которая значительно расширена и дополнена. Но, на наш взгляд, лучший её вариант – это первые публикации (еще до «Цены гармонии»).

Не ставя себе целью подробно освещать не вошедшие в первую книгу, а также уже представленные здесь статьи в их обновленном виде, отметим лишь важность самого факта: постоянство интереса Станислава Рассадина к армянской литературе спустя 12 лет после выхода в свет «Цены гармонии». Еще раз подчеркнем важность и значение целого ряда его критических суждений и оценок. И – еще один не менее важный и достойный нашей благодарной памяти фактор: любовь не только к армянской литературе, но и – к Армении. В своей дарственной надписи Левону Мкртчяну на книге «Цена гармонии» Рассадин, благодаря за содействие в её издании, написал: «Ты углядел, что для меня Армения – не просто критическая «темка», а любовь»...

ՄԱԳՐԱ ՋԱՆՓՈՒԱԴՅԱՆ – Հայկական թեման Ստանիսլավ Ռասսադինի քննադատական ժամանակության մեջ – Հոդվածում վերլուծվում և գնահատվում են ռուս ականավոր քննադատ Ստանիսլավ Ռասսադինի (1935-2012) աշխատությունները՝ նվիրված միջնադարյան և ժամանակակից հայ պոետներին, ինչպես նաև այն ռուս բանաստեղծներին, որոնք անդրադարձել են Հայաստանի թեմային: Բացահայտվում են հեղինակի վերլուծական մտքի առանձնահատկությունները, ընդգծվում և արժևորվում են նրա դիտարկումները և եզրահանգումները (հատկապես Նարեկացու և Քուչակի մասին): Առանձնացվում են Ս. Կապուտիկյանի, Չ. Սահյանի, Պ. Սևակի մասին Ռասսադինի հոդվածները, ինչպես նաև Ս. Լիպկինի պոեզիայում Հայաստանի թեման: Հիմնականում բարձր գնահատելով Ռասսադինի վերլուծությունների արժեքը՝ հոդվածի հեղինակը միաժամանակ արտահայտում է և իր սեփական կարծիքը երբեմն վիճելով նրա հետ:

³² Книга Ст. Рассадина «Очень простой Мандельштам» издана в Москве в 1994 г.

Բանալի բառեր – Ռասսադին, Նարեկացի, Քուչակ, ժամանակակից բանաստեղծներ, վերլուծության առանձնահատկությունները, քննադատական դատողությունների արժեքը

MAGDA JANPOLADYAN – *The Armenian Theme in Stanislav Rassadin's Critical Legacy.* – The article analyzes and evaluates the works of prominent Russian critic Stanislav Rassadin (1935-2012) dedicated to Armenian literature, particularly medieval and modern poets, as well as Russian poets, who touched upon the theme of Armenia. The peculiarities of the author's analytical thought are revealed in the article, his observations and conclusions are emphasized (especially about Narekatsi և Kuchak). The articles about Rassadin, S. Kaputikyan, H. Sahyan, P. Sevak are singled out, as well as the theme of Armenia in Lipkin's poetry. Appreciating and emphasizing the value of Rassadin's analysis, at the same time the author of the article expresses his own opinion, sometimes arguing with him.

Key words: *Rassadin, Narekatsi, Kuchak, contemporary poets, peculiarities of analysis, the value of critical judgments*